

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 159.922

СМЫСЛ И МОТИВ: К СООТНОШЕНИЮ ПОНЯТИЙ

Б.С. Алишев

Аннотация

В статье рассматривается соотношение понятий «смысл» и «мотив». Показано, что различие между ними определяется лишь направлением вектора времени: смысл связан с прошлым и настоящим, а мотив направлен в будущее. Такое понимание позволяет трактовать смыслы и мотивы как проявления одного и того же психологического феномена в отношении (оценке) и в действии.

Ключевые слова: смысл, мотив, значение, действие, выбор, субъект, объект, взаимодействие, неопределенность, преодоление неопределенности.

Постановка проблемы

Два понятия, вынесенные в заголовок данной статьи, давно обсуждаются как в психологии, так и в других науках. Однако даже беглый анализ научной литературы, посвященной этой теме, показывает, что и мотив, и смысл являются скорее теоретическими конструктами, каждый из которых используется для обозначения разнородных психических феноменов, объединенных лишь некой общей функциональностью. В связи с этим можно сослаться на известные слова Х. Хекхаузена, который сказал: «В действительности никаких мотивов не существует» [1, с. 37], имея в виду, что силы, побуждающие человека к тому или иному действию, могут быть очень разными как по своей психологической природе, так и по происхождению. В этой фразе без особого риска совершить ошибку можно заменить слово «мотив» на слово «смысл», так как данное понятие тоже является если и не научным конструктом, то конструктом сознания.

Действительно, если сравнить некоторые определения мотивов и смыслов, дававшиеся в разное время разными авторами, возникает ощущение, что речь идет об одном и том же. Например, А.Н. Леонтьев писал, что личностный смысл является выражением отношения личности к объекту действия и может быть раскрыт через соответствующий мотив [2, с. 301–302], а В.Н. Мясищев назвал такое отношение мотивом [3, с. 219]. Зачастую эти два понятия не различаются и в более поздних исследованиях. Сравним два высказывания. Б.А. Сосновский, по сути, цитирует В.Н. Мясищева: «Мотив – это наличие отношения к деятельности, к миру в целом, стоящее у истоков всей субъективной феноменологии психики» [4, с. 62–63]. Почти то же самое пишет Д.А. Леонтьев: «...смысл предстает перед нами как отношение, связывающее объективные жизненные

отношения субъекта, предметное содержание сознания и предмет... его деятельности. Это пристрастное отношение... субъекта, его сознания к основам его бытия» [5, с. 113–114], но у него речь идет не о мотиве, а о смысле.

Если вспомнить, что еще в 30-е годы XX в. Г. Оллпорт фактически отождествил ценности и личностные смыслы, определив первое через второе [6, с. 133], и признать, что все упомянутые нами психологи правы, можно легко поставить знак равенства между ценностями, смыслами и мотивами. Тогда не приходится удивляться словам того же Д.А. Леонтьева, заметившего, что «...мотивы крайне трудно отделить в эксперименте от личностных смыслов и смысловых установок, исключительно через посредство которых они и проявляются. То же, но в еще большей степени относится к ценностям» [5, с. 130].

В свою очередь, ценности часто отождествляются с установками, подтверждением чему являются слова Л. Фестингера о том, что мнения, убеждения, установки и ценности, хотя и имеют некоторые различия, в целом являются «элементами знания» [7, с. 25]. В.А. Ядов полагает, что установки и ценности являются частями целостной системы диспозиций, отличаясь друг от друга только степенью генерализации [8, с. 62–70]. Такая точка зрения настолько распространена в современной науке, что Г. Бонер приходит к следующему выводу: «...установки в отношении абстрактных сущностей... часто обозначаются как *ценности*» [9, с. 233]. Наконец, еще одним шагом в этом ряду отождествлений является замечание А.Г. Шмелева, констатировавшего, что «вместо термина “черта” все чаще используются термины “установка” и “отношение”» [10, с. 56].

Итак, начав с отношения, мы к нему же и вернулись, а по пути нам «встретились» смыслы, мотивы, ценности, установки и личностные черты (есть небезосновательное подозрение, что этот «путь» мог бы оказаться длиннее и извилистее). К сожалению, в одной статье нет возможности рассмотреть соотношение всех упомянутых понятий. Поэтому я сосредоточусь только на двух – тех самых, которые вынесены в название статьи, – а к другим, в том числе и тем, которые вообще не назывались, буду обращаться по мере необходимости. Соотношение мотивов и смыслов может быть проанализировано с позиций различных методологических подходов. В данной статье я буду опираться на несколько идей, обоснование которым было дано в ранее опубликованных моих работах [11, 12]. В кратком изложении суть их такова.

1. Во всех ситуациях жизнедеятельности субъекта и его взаимодействия с внешним миром присутствует большая или меньшая неопределенность, частным случаем которой является определенность (при полной определенности отсутствуют какие-либо альтернативы и возможность выбора). Неопределенность обусловлена в конечном счете наличием фундаментального фактора времени и может быть рассмотрена в двух взаимосвязанных аспектах: информационном и энергетическом.

2. Поскольку жизнь в условиях высокого уровня неопределенности возможна только в коротких временных отрезках, постольку неопределенность должна преодолеваться. Это происходит благодаря работе соответствующих психологических механизмов, например интерпретации и веры, атрибуции и рефлексии, антиципации и целеполагания и др. Если бы не неопределенность, всех

их просто не было бы, впрочем, как не было бы, по всей видимости, познания, психики и самого субъекта.

3. Информационная неопределенность преодолевается благодаря текущим ощущениям, восприятию, а также памяти. Но сама по себе информация – ничто, если субъекту неизвестно ее *значение*. Значения не содержатся в самих объектах и ситуациях, следовательно, они должны определяться субъектом. Несмотря на то что определение значений подчиняется некоторым общим для всех людей (и не только людей) правилам, на практике этот процесс носит субъективный характер.

4. Энергетическая неопределенность вызывает необходимость действия. Оно предполагает некоторое усилие со стороны субъекта, которое обеспечивается уже другими психическими процессами (эмоции, воля и др.), но прежде должен быть сделан *выбор*. Выбор – это, в сущности, принятие решения о действии, и его нельзя свести к осознаваемым когнитивным операциям. «Выбор» совершает любое живое существо, то есть любая реакция на ту или иную совокупность информации может быть обозначена этим термином.

5. Следовательно, определение значения и выбор действия – два неразрывно связанных и переходящих друг в друга процесса. Первый бессмыслен без второго, а второй, в свою очередь, невозможен без первого. Так можно вывести цепочку «информация – значение – выбор – действие», крайние элементы которой замыкаются друг на друге, потому что всякое действие само создает новую информацию, а два центральных элемента цепочки образуют единство.

Отталкиваясь от сказанного, можно легко связать проблему смысла с процессом определения значений, а проблему мотива с процессом выбора действия. Тесная взаимосвязь двух этих процессов позволяет говорить о том, что смысл и мотив действительно являются зеркальными отражениями друг друга. Перейдем теперь к более детальному анализу их соотношения и обоснованию кратко изложенной точки зрения.

Значение и смысл

Понятия «значение» и «смысл» во многих отношениях близки между собой и обычно используются как синонимы в обыденной речи, а иногда и не только в ней. В одном и том же научном тексте (в том числе в этом) они могут как выступать в качестве научных терминов, так и не являться таковыми, что часто создает многочисленные неясности. Когда же приходится иметь дело с переводами текстов зарубежных авторов, эта неопределенность еще более усиливается, так как далеко не во всех языках данные понятия разводятся.

Вопрос о соотношении значения и смысла на протяжении XX в. был одним из часто обсуждаемых в лингвистической философии и семиотике (М.М. Бахтин, П. Рикер, Н. Хомский, У. Эко и др.). В лингвистических науках стала популярной следующая формула: значение соответствует знаку, а смысл – тексту [13, с. 204]. Ж. Делез попытался решить эту проблему несколько иначе: значение у него соответствует сообщению (тексту), а смысл – событию [14, с. 42]. Все эти обсуждения, однако, не привели к установлению хотя бы относительной ясности. Тот же Ж. Делез и в той же работе вынужден был написать: «Все, что имеет смысл,

имеет также и значение, но последнее – на иных основаниях, чем смысл» [14, с. 102], так и не пояснив, что это за «иные основания».

Психологию интересуют в большей степени не языковые (текстовые) значения и смыслы, а те, которые возникают в реальной жизни человека-субъекта (не помешает отметить, что, хотя типичная для постмодернизма тенденция к стиранию границ между текстом и реальной жизнью имеет право на существование, она уводит нас от решения научных проблем к упражнениям со словами). Поэтому обратим внимание на разделяемую многими исследователями точку зрения Х.-Г. Гадамера. Согласно ей, во-первых, следует различать «значимость» и «значение», при этом первый термин приобретает количественный оттенок, а второй – качественный (если использовать такой подход, то под значимостью надо понимать меру значения, а под собственно значением только его содержание). Во-вторых, значение и смысл соотносятся у него фактически как часть и целое; не случайно он часто использует выражение «смысловое целое» (см. [15]).

Другой возможный подход к соотношению рассматриваемых понятий заключается в утверждении, что значение является более простым и универсальным; его можно использовать применительно к взаимодействиям в физическом и биологическом мире. Что касается понятия «смысл», то использование его оправдано только в том случае, если речь идет о человеке, его действиях и результатах этих действий. Дождь, например, камень или фотон сами никакого смысла не имеют, хотя, безусловно, они могут быть и часто бывают значимыми. Поэтому смыслом могут обладать: а) действия людей (включая собственные действия субъекта); б) результаты этих действий, включая создаваемые предметы и возникающие события; в) правила, в соответствии с которыми совершаются действия и происходят события; г) тексты как обозначения и описания всего этого.

Оба изложенных подхода имеют определенные достоинства и недостатки, однако второй подход, с нашей точки зрения, является более предпочтительным. Действительно, нельзя не согласиться с утверждениями большого числа психологов о том, что смысл существует только там, где есть субъект. К тому же, о смысле традиционно, как и о значении, говорят в количественном плане (большой или меньший смысл). Однако если развести таким образом понятия «значение» и «смысл», первое окажется оторванным от субъекта, что может создать иллюзию того, что значения существуют независимо от него. Кроме того, если иметь в виду, что различные группы и общности людей, все человечество – тоже субъекты, тогда для индивидуального субъекта появляются объективные смыслы: в результате социального и культурного развития возникает объективная смысловая структура, не зависящая от индивидов, которые ею пользуются. Такие «смысловые структуры» суть ядро всякой культуры.

Итак, возможны разные трактовки соотношения понятий «значение» и «смысл». Каждая из тех, что были рассмотрены выше, имеет свои преимущества, но очевидно, что ни одну невозможно логически обосновать как единственно правильную, а выбор исследователем какой-то одной из них зависит от его субъективной точки зрения. Далее я попытаюсь изложить свое понимание рассматриваемого соотношения.

Очевидно, что в социологии, теории познания, логике, лингвистике и других науках, не занимающихся изучением жизни и поведения отдельного человека, можно говорить об объективных значениях, значениях слова и текста, о значениях в «чистом виде». Правомерно это и в психологии, когда она не касается изучения жизнедеятельности конкретной личности. Однако, обращаясь к изучению повседневной жизни человека, важно помнить, что именно он постоянно определяет значения всего того, с чем сталкивается в непрерывном взаимодействии со средой. А он не теоретик и не праздный наблюдатель, он живет реальной жизнью и редко задумывается о субъективности и объективности (ученые не вправе полагать, что эта проблема так же важна для других людей, как для них; более того, она не так уж важна и для них, когда они не занимаются наукой).

Человек пытается разобраться в каком-либо факте, событии, ситуации и их следствиях для себя и для других в течение того времени, которым располагает. Конечно, в общественном сознании существуют закрепленные культурой стандартные (нормативные) значения объектов и ситуаций, но всякая развитая культура если и не поощряет, то допускает вариативность индивидуальных интерпретаций и признает возможность даже противоположных позиций и оценок. Это необходимо потому, что жесткость и единообразие грозят стагнацией и гибелью самой культуре. Таким образом, всякое конкретное значение формируется в сознании отдельной личности, и в этом смысле оно всегда субъективно.

Однако важно уточнить, что значения определяются не только человеком. Никакая форма жизни не смогла бы существовать, если бы она не решала этой задачи. По-видимому, природа в ходе длительной эволюции создала три способа определения значения: а) опирающийся на сравнение поступающей информации с генетически заданными образцами; б) основанный на сопоставлении ее с образцами, запечатленными в индивидуальном опыте; в) мыслительный способ, базирующийся не на простом сличении двух рядов информации, а на некоторых основополагающих принципах ее анализа¹. Человек использует все три указанных способа, но отличительными для него являются второй и особенно третий.

Определяя значения, субъект преодолевает неопределенность и достигает некоторой определенности, которая, конечно, относительна как минимум по двум причинам. Во-первых, субъект фактически никогда не обладает всей полнотой информации о той или иной ситуации, а потому всякое определение значения становится интерпретацией, которая неизбежно носит субъективный характер. Во-вторых, большой вопрос заключается в том, возможна ли вообще в любой ситуации взаимодействия однозначная определенность, или, говоря другими словами, единственная и, следовательно, абсолютная истина. Ответ на него, видимо, должен быть отрицательным², но тогда разные субъекты могут по-разному определять значение одного и того же факта или события, и все они будут хотя бы отчасти правы. Таким образом, человек в процессе определения значений достигает лишь субъективной определенности и никогда с точностью

¹ На самом деле во всех трех случаях важнейшую роль в процессе определения значений играют эмоции, но этот аспект проблемы, так же, впрочем, как и целый ряд других, я оставляю здесь без внимания.

² В. Франкл пишет: «Истина может быть лишь одна, однако никто не может похвастаться знанием, что этой истиной обладает именно он и никто другой» [16, с. 39]. Но если с окончанием этой фразы можно согласиться, то с ее началом – вряд ли.

не знает, насколько она соответствует «правильной», «объективной» (только очень самоуверенный и крайне ограниченный человек склонен полагать, что ему всегда известно истинное значение того, что происходит вокруг, или того, что он сам делает). Поэтому понятие психологического значения применительно к человеку можно определить как *субъективную категорию сознания, выражающую интерпретацию субъектом содержания и меры связи между собой и объектом (комплексом объектов) в конкретном месте и времени.*

Нетрудно показать, что все сказанное о значениях относится и к смыслам. Рассмотрим пример. Существуют три широко известные трактовки содержания и смысла романа Ф. Кафки «Процесс», предложенные М. Бродом, Э. Канетти и марксистски ориентированными литературоведами (есть также менее известные трактовки). Почему три, а не одна? Почему вообще разные люди видят разный смысл в одном и том же? Во-первых, наверно, потому, что они видят на самом деле не одно и то же; во-вторых, потому, что, если бы даже они видели то же самое, у них формировалось бы к этому разное отношение. Каждый из них при этом считает, что именно его видение и толкование соответствуют действительности. А что ей соответствует в приведенном примере? Можно считать, что действителен смысл, вкладывавшийся самим Ф. Кафкой, но он не оставил об этом точных сообщений, а самое важное заключается в том, что он, как и любой писатель, сам выступал в качестве интерпретатора социальной действительности.

Если точно так же подумать о том, как люди определяют смысл не только текстов, но и действий и событий, которые они наблюдают или в которых они принимают участие, то можно сделать вывод о том, что никаких принципиальных различий между интерпретацией текстов и интерпретацией событий не существует. Всякий смысл так или иначе является итогом интерпретации происходящего. В самом деле, в ходе интерпретации человек создает кажущуюся ему наиболее правдоподобной модель реальности. При этом он стремится не к «правильной» определенности, а к такой, которая в наибольшей степени согласуется с его потребностями и интересами. Исходя из этого, можно заключить, что смысл, как и значение, – это некая определенность, а так называемый поиск смысла есть не что иное, как стремление к ее достижению.

Субъективно такое достижение определенности воспринимается субъектом как «ощущение» некоего тождества между внешним и внутренним (психическим). Другими словами, это «ощущение» того, что происходящее вовне и его образ (в широком смысле этого понятия) «во мне» соответствуют друг другу. Когда у человека возникает такое ощущение, он говорит: «Я понял». Однако понимание не есть знание, что внешнее и внутреннее связывает смысл, а он включает в себя отношение, то есть субъективен. Иначе говоря, смысл – субъективно достигаемое ощущение соответствия своих представлений реальному положению дел, а это, в свою очередь, означает, что смысл может быть ложным.

Итак, определяя значение и смысл факта, события, ситуации, субъект ищет «истину», но не объективную, а ту, которая в наибольшей степени соответствует его пониманию мира или его текущим потребностям и интересам. Иначе говоря, человек «находит» смысл тогда, когда приходит к выводу, что его понимание факта истинно. Так он достигает уверенности в том, что его понимание (его

«внутреннее») соответствует действительности («внешнему»). Это и есть субъективно достигаемое чувство тождества, а в терминах Л. Фестингера – достижение когнитивного консонанса [7]. Если рассматривать в терминах тождества проблему смысла жизни, то она оказывается равнозначной проблеме идентификации. И поиск смысла в самом широком плане – это также поиск личностной идентификации. Достигая ее, субъект достигает тем самым личностной определенности, а его жизнь и деятельность при этом представляются ему как соответствующие представлениям о важнейших принципах и ценностях бытия. Однако поскольку истина, как уже отмечалось, чаще всего носит субъективный характер, значение и смысл тоже субъективны. Это субъективно достигаемые тождества, являющиеся результатом интерпретации.

Если между значением и смыслом так много общего, то чем же тогда они различаются? Исходя из того, что было сказано выше, первое понятие можно считать в большей степени «биологическим», а второе – «культурным». Иными словами, значения тем или иным способом определяются всеми живыми существами, и их субъективность есть следствие наличия не сознания, а существования организма с его актуализирующимися в конкретном месте и времени потребностями. Смыслы же являются продуктами деятельности существующего в рамках культуры сознания и как таковые могут определяться только человеком. Если значение фиксирует связь между объектом (явлением, событием, ситуацией и т. д.) и потребностью, то смысл – это отношение более широкое и сложное, в котором место потребности занимает ценность, являющаяся уже не биологическим, а культурным феноменом.

Выбор действия и мотив

Определение значений и смыслов – обязательное условие совершения действий, поддерживающих и продолжающих жизнь, но это предварительное условие, создающее возможность жизни, и только активное действие, преобразующее или приспособительное, способно превратить эту возможность в действительность. Об этом же говорит В. Франкл: «...действие в конечном счете – это переход возможности в действительность, потенции в акт» [16, с. 114]. Действие играет решающую роль. В сущности, именно оно обеспечивает достижение подлинной определенности.

Действие – универсальный способ взаимодействия с внешним миром, который не может быть сведен только к вербальным или моторным актам. Это сугубо психологический феномен, имеющий место даже при полном отсутствии указанных компонентов. Отсутствие видимого, предметного действия, отсутствие реакции – в психологическом плане такое же действие, как и его наличие. Отсутствие действия точно так же ведет к возникновению новых ситуаций взаимодействия, как и его совершение. Наконец, отсутствие действия точно так же передает информацию, некие значения и смыслы. Вспомним хотя бы всем известную поговорку «молчание – знак согласия», которая прямо указывает на то, что ничего не сказавший человек уже выразил свою позицию, свое отношение, свою оценку событий. Ничего не сказав, ничего не сделав, он дал возможность совершиться чему-то. Исходя из сказанного, *под действием можно понимать*

любой акт поведения, меняющий ситуацию взаимодействия или способствующий ее изменению и, следовательно, порождающий новые значения и смыслы.

С завершением действия заканчивается данное взаимодействие, некий цикл обмена с окружающей средой. Но сразу же возникает новый цикл, в котором субъект вновь сталкивается с неопределенностью. Избежать ее невозможно. Всякое ее преодоление в конечном счете создает новую неопределенность, но иначе жизнь прекращается, так как достижение полной и однозначной определенности означает остановку времени и равнозначно смерти. Жизнь, таким образом, есть постоянное стремление к определенности и столь же постоянное столкновение с неопределенностью. Необходимость ее постоянного и все возобновляющегося преодоления приводит к тому, что люди (впрочем, как и другие живые существа) стремятся сделать свое будущее как можно более предсказуемым и благоприятным для себя. Иначе говоря, они стремятся к тому, чтобы в будущем было как можно больше позитивной для них определенности на тот момент, когда оно превратится в настоящее.

Но как этого добиться? Очевидно, что только одним способом, а именно: совершаемые сейчас действия должны являть собой не просто сиюминутные реакции на сложившуюся ситуацию, необходимо учитывать их последствия в отдаленном будущем, то есть нужно предусматривать протяженность жизни в будущем. Но поскольку в каждой ситуации вариантов возможного действия много, постольку должен совершаться выбор. Если рассматривать понятие выбора в очень широком смысле, то можно утверждать, что выбор совершают все живые существа, хотя биопсихические механизмы выбора у животных и человека сильно различаются.

Наличие сознания, позволяющего человеку во многих случаях подавлять генетически заданные инстинктивные реакции, предоставляет ему свободу выбора. В. Франкл утверждал, что человек только может сделать вид, что у него нет свободы выбора [16, с. 204], и с ним, безусловно, нужно согласиться, но небольшое уточнение не помешает. Человек не только может делать вид, что у него нет выбора, он может не понимать и даже не осознавать, что выбор у него есть.

Необходимо отметить, что всякий выбор причинно обусловлен. Конечно, возможен и случайный выбор, но, во-первых, в норме он не может быть постоянно случайным, а во-вторых, всякая случайность тоже имеет свои причины. Дело в том, что даже в самой простой ситуации субъект «держит в уме» разные виды своей деятельности и все бытие в целом. В редких случаях наблюдается сужение сознания субъекта, его «замыкание» на конкретной потребности и конкретном объекте в их непосредственной связи в данный момент времени. С нормальным человеком это может происходить только при критическом обострении какой-либо потребности. Тогда он может совершать действия, воспринимаемые другими и даже им самим как спонтанные, аффективно обусловленные. Однако гораздо чаще действие в конкретной ситуации основывается на учете множества разных обстоятельств, связанных с разными уровнями взаимодействия человека и окружающей его действительности. Таким образом, выбор всегда есть принятие некоего решения, за которым следует соответствующее действие, но это решение не обязательно является осознанным и рациональным.

То, что лежит в основе выбора действия человеком, в психологии называется мотивом. Как известно, существует множество подходов к пониманию его сущности. Здесь они не будут анализироваться, и я остановлюсь лишь на том, что важно в рамках настоящей статьи. Мотив принято рассматривать как причину действия, что создает ощущение его «расположенности» в прошлом. Действительно, причина должна предшествовать следствию: вся современная наука построена на постулате необратимости времени, который является основой причинности. Однако проблему причинности в случае с человеком нельзя полностью свести к тому ее пониманию, которое существует в естественных науках. Только для познающего субъекта, анализирующего шаг за шагом в обратном направлении некую последовательность действий другого человека, мотив (причина) кажется «расположенным» где-то позади или раньше действия, то есть в прошлом. Для самого действующего субъекта мотив никогда не «остается» позади, наоборот, он всегда «убегает» вперед и именно поэтому оказывается способным порождать и поддерживать все новые и новые действия.

Рассмотрим в качестве примера широко известное понимание мотива как «предмета потребности» [2]. Даже если согласиться с таким определением, придется признать, что этот «предмет» не может появиться раньше, чем потребность в нем. Из этой точки зрения следует, что, если «предмет» уже употреблен, он не в состоянии выполнять функцию мотива, так как либо не существует его самого, либо потребности (как актуально переживаемой). Если «предмет» находится в процессе употребления, он сохраняет данную функцию, пока в той или иной мере существуют либо он сам, либо потребность в нем. Только «предмет», хотя бы частично не употребленный, а значит, остающийся в какой-то степени в будущем, может мотивировать.

С трактовкой сущности мотива, предложенной А.Н. Леонтьевым, трудно согласиться. С нашей точки зрения, нет никаких причин для того, чтобы отказываться от традиционного понимания мотива как внутреннего побуждения к действию. По своему происхождению это побуждение непосредственно связано с потребностями, но в ходе культурной эволюции человека оно стало продуктом их взаимодействия с ценностями, смыслами и социальными нормами. Предметами же психология не занимается, а если иметь в виду не сам предмет (объект), а его образ, то перед нами оказывается классическое определение цели. Возникает впечатление, что тот самый «сдвиг мотива на цель», о котором писал А.Н. Леонтьев, произошел в самой его концепции.

Понятие *цели* заслуживает того, чтобы на нем остановиться чуть более подробно. До сих пор мы о нем почти не говорили, что упростило изложение некоторых важных теоретических положений. Однако всякая простота имеет пределы. Движущие силы взаимодействия человека с окружающей средой, всю его активность невозможно объяснить только через мотивы.

Произвольное целеполагание признается одной из атрибутивных характеристик системы личности, резко отличающих эту систему от биологических систем такого же таксономического уровня. Большинство специалистов считает, что в отсутствие данного признака она остается системой высокого уровня развития, но функционирующей только гомеостатически. Однако существуют и другие точки зрения. В частности, Г. Зиммель заметил, что человека «можно

в принципе определить как нецелесообразное существо», и тут же добавил, что «его подлинная ценность состоит в том, что он может действовать без цели» [17, с. 36]. Однако из общего контекста работы Г. Зиммеля видно, что он имел в виду целесообразность, обусловленную необходимостью. В этом случае с ним можно только согласиться: человек действительно способен пренебрегать такой, узко утилитарной, целесообразностью и совершать поступки вопреки всем складывающимся обстоятельствам и вопреки рациональности. С другой стороны, этологи приводят примеры поведения, предполагающего целеполагание, у животных. Для обозначения этого явления У. Крейг еще в начале XX в. ввел специальный термин «аппетентное поведение», который теперь широко используется в этологии. Нюансы данной проблемы мной обсуждаться не будут. Замечу, однако, что существуют различия между целесообразностью, целенаправленностью и целеполаганием.

Чем цель отличается от мотива? Очевидное различие таково: цель – ответ на вопрос *Что?*, мотив – на вопрос *Почему?* Ответить на первый вопрос – то же самое, что указать на объект или его образ, то есть на что-то, находящееся вне субъекта, но представленное в его внутреннем мире. Ответить на второй вопрос – то же самое, что указать на значение, смысл объекта или его образа для субъекта. Таким образом, цель в отличие от мотива – образ, либо непосредственно представленный в восприятии, либо зафиксированный в памяти, либо сконструированный в мышлении и воображении. Цель конкретна, операциональна. Мотив же носит обобщенный характер и имеет множество возможных вариантов реализации в различных целях, в которые можно внести один и тот же смысл (но, с другой стороны, в одну и ту же цель тоже можно внести разные смыслы).

Цель неизбежно связана со значением и смыслом. Объектов (образов) неисчислимо много, и не все они становятся целями. Ими становятся лишь те из них, значение и смысл которых уже известны субъекту и велики. Это позволяет определить понятие цели так: образ объекта или ситуации, недоступных субъекту в данный момент времени, но значение и смысл которых ему уже известны и велики настолько, что актуализируется задача преодоления барьера. Цель, как и потребность, имеет предмет, но он – в будущем. Мотив, как и значение, смысл, предметной определенностью не обладает, но, как и цель, он обращен в будущее. Таким образом, цель при рассмотрении ее в отрыве от мотива имеет лишь праксиологические характеристики и теряет личностное содержание. Вместе же мотив и цель устремлены в будущее, направлены на снижение его неопределенности. Вместе они обеспечивают субъекту возможность не просто избирательно ориентироваться, но и активно создавать имеющую для него смысл реальность.

Смысл и мотив

Очевидно, что любое решение и выбор могут опираться только на предварительное определение значений и смыслов (в данном случае неважно – истинное или ложное, рационально продуманное, аффективное или случайное). Однако, с другой стороны, любые действия (или их отсутствие) передают значения и смыслы, пусть даже это не осознается самим субъектом. Очевидно,

что, если значения и смыслы присутствуют в начатом и незавершенном действии, они направлены в будущее. Именно поэтому всякое действие, как уже отмечалось, представляет собой попытку человека предотвратить или по крайней мере уменьшить неопределенность в будущем, которое рано или поздно станет его настоящим. Человек тем самым стремится (иногда осознанно, но чаще бессознательно) сделать более определенным свое будущее настоящее.

Отсюда следует, что заключенные в действии, внесенные в него субъектом значение и смысл становятся мотивами. Таким образом, мотив – обратная сторона значения и смысла. Для всего, что уже произошло или происходит (в том числе и в представлении), субъект определяет значение и смысл; во все, что им реально делается, он их вносит сам и заранее. Действие должно обеспечить появление некоторого значения (смысла), но для этого оно должно содержать его в себе. Таким образом, разница между значением (смыслом) и мотивом условна, она связана только с направлением «вектора времени».

Несколько иная картина возникает тогда, когда человек ставит перед собой вопрос о смысле какой-либо продолжающейся деятельности или смысле жизни. На самом деле речь должна была бы идти об их ведущем мотиве, поскольку ни то, ни другое еще не завершены. Однако человек представляет их как нечто уже состоявшееся, давшее некий итог. Этот итог становится виртуальным фактом, событием, значение и смысл которого он определяет. Так он начинает называть ведущий мотив смыслом. Но людям все равно, как называть то или иное явление. Если разница между явлениями минимальна, слова, обозначающие их, часто используются как синонимы, что не мешает взаимопониманию (трудно требовать, чтобы в повседневной речи четко разграничивались понятия, но и от науки нельзя требовать, чтобы она следовала за обыденной речью и разграничивала понятия более, чем этого достаточно для объяснения явлений).

Проблема с определением причинно-следственных связей возникает потому, что реальное, то есть предметное, взаимодействие человека с окружающим миром и его внутренняя, психологическая жизнь протекают в разных временных рядах. Вся суть такого рода проблем состоит в том, что в своем ментальном мире человек движется не в одном направлении по стреле времени, а перемещается по ней непрерывными скачками то вперед, то назад. То, что возможно в будущем, становится реальностью его жизни в настоящем и побуждает к действию, но еще раньше эти возможности становятся для него субъективной реальностью, когда он думает о них и пытается определить вытекающие из них значения и смыслы.

Так можно описать взаимодействие человека с миром в терминах, привычных для психологии. Однако остаются два важных вопроса, на которые в этой статье еще не были даны ответы. Во-первых, вопрос о том, как конкретно происходит определение значений и смыслов, во-вторых, вопрос о том, что обуславливает осуществление именно данного, а не другого действия. Можно предположить, что это один и тот же вопрос. Иначе говоря, мы полагаем, что существует принципиальная общность психологической структуры отношения и действия. Определить значение или смысл – то же самое, что принять решение и сделать выбор. Утверждение о том, что человек нередко совершает действие (делает выбор) вопреки своему желанию, то есть вопреки тому значению,

которое имеет для него ситуация, вряд ли корректно. Он совершает такое действие только потому, что его толкает к этому какой-то еще более сильный мотив (и еще большее значение). И определение значений, и формирование мотива связаны с принятием решения. Во втором случае это более очевидно, но и определение значения, во-первых, почти всегда является этапом в процессе принятия решения, так как обеспечивает необходимую для этого информацию, а во-вторых, может трактоваться как принятие решения о значении. Таким образом, данные психологические процессы имеют принципиальную общность, что позволяет рассматривать их в единстве.

В современной психологической науке смысл часто трактуется как объективная категория, то есть, говоря о смысле, подразумевают нечто общепринятое, закрепленное в культуре. Когда же говорят о мотиве, который с точки зрения его содержания тоже тесно связан с культурой, считают его «принадлежащим» конкретному субъекту. В рамках развиваемой мной системы взглядов это проявления одного и того же психологического феномена в отношении и в действии.

Summary

B.S. Alishev. Meaning and Motive: On the Relation between the Concepts.

The article takes under consideration the existing relation between the notions of meaning and motive. It shows that the difference between the two is defined just by the direction of time vector: the meaning is connected with the past and the present; the motive is directed towards the future. This approach makes it possible to interpret meanings and motives as the manifestation of one and the same psychological phenomenon in attitudes (estimates) and in actions, respectively.

Key words: meaning, motive, sense, action, choice, subject, object, interaction, uncertainty, overcoming uncertainty.

Литература

1. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность: в 2 т. – М.: Педагогика, 1986. – Т. 1. – 408 с.
2. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 584 с.
3. *Мясищев В.Н.* Личность и неврозы. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. – 426 с.
4. *Сосновский Б.А.* Мотив и смысл: психолого-педагогическое исследование. – М.: Прометей, 1993. – 199 с.
5. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999. – 487 с.
6. *Оллпорт Г.В.* Личность в психологии. – М.: КСП+; СПб.: Ювента, 1998. – 345 с.
7. *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. – СПб.: Речь, 2000. – 320 с.
8. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. – Л.: Наука, 1979. – 264 с.
9. *Бонер Г.* Установки // Введение в социальную психологию. Европейский подход / Под ред. М. Хьюстона, В. Штребе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – С. 231–274.
10. *Шмелев А.Г.* Психодиагностика личностных черт. – СПб.: Речь, 2002. – 480 с.
11. *Алишев Б.С.* Психологическая теория ценности: системно-функциональный подход: Дис. ... д-ра психол. наук – Казань, 2002. – 367 с.

12. *Алишев Б.С.* Структура ценностей и ценностные типы личности современных студентов // Проблемы профессионального образования: методология и теория. – М.: ВЛАДОС; Казань: ИПП ПО РАО, 2005. – С. 232–275.
13. *Ажеж К.* Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 304 с.
14. *Делез Ж.* Логика смысла. – Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 298 с.
15. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
16. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 366 с.
17. *Зиммель Г.* Избранное: в 2 т. – М.: Юристъ, 1996. – Т. 2. Созерцание жизни. – 607 с.

Поступила в редакцию
08.04.10

Алишев Булат Салямovich – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: Bulat.Alishev@gmail.com